

Будни адвокатов обычно расписаны по минутам, и свободного времени, чтобы просто перевести дух за рабочим столом, у них почти не остается. В Адвокатском бюро «Южный Крест» даже ходила шутка: принимая нового клиента, обязательно напомни ему, что записываться нужно заранее. Иначе, решив нагрянуть без предупреждения, он рискует застать нужного юриста где угодно — но только не в кабинете.

Как правило, Гу Янь жил в том же сумасшедшем ритме. Однако сегодня привычный уклад дал сбой.

Целый день — не считая раннего утра, когда пришлось отлучиться за новыми уликами, — он безвылазно провел в номере. Адвокат молча и сосредоточенно работал, не вставая из-за стола, вооружившись световым пером и проекцией виртуального экрана.

На голографическом дисплее по кругу крутились свежие записи, добытые на рассвете. Гу Янь откинулся на спинку кресла. В левом ухе белел беспроводной наушник, одна рука небрежно покоилась на подлокотнике, а в другой он держал чашку с кофе.

На коленях лежал планшет с открытыми чистыми листами, где сиротливо белели лишь несколько аккуратных, набросанных на скорую руку тезисов. Страницы выглядели безукоризненно чистыми.

Еще в студенческие годы, будучи юношей весьма самонадеянным, он пренебрегал конспектами. Стоило ему один раз прочесть или выслушать материал, как тот намертво отпечатывался в памяти. Зачем тратить время на бессмысленную писанину? Во-первых, скорость пера безбожно отставала от полета его мысли. Во-вторых, Гу Янь питал слабость к безупречному порядку, а живые каракули на бумаге никогда не сравнялись бы с идеальными, калиброванными машинными шрифтами — четкими, строгими и легкими для восприятия.

Позже, оказавшись как-то раз в кабинете декана, он краем глаза заметил его рабочие записи. Это был ворох листов, пестривших ключевыми словами. Мысли разбегались по страницам хаотичными островками: наиболее важные тезисы выделялись размашистым, крупным почерком, второстепенные жались по краям на манер подстрочных сносок. Кое-где красовались небрежные кружки и соединительные стрелки.

По всем законам логики этот беспорядок должен был раздражать перфекциониста Гу Яня, однако беглый взгляд на исписанные листы не вызвал и тени досады. Напротив, в этой суматохе сквозила странная, завораживающая гармония.

Тот молодой декан, бывший для Гу Яня непосредственным наставником, как-то раз дал ему совет. Сидя за массивным столом и пряча в уголках губ тонкую усмешку, он произнес:

— Рекомендую записывать мысли от руки, когда изучаешь дела. У каждого ведь свой стиль: кто-то вдаётся в подробности, кто-то чертит схемы, у всех свои маркеры и компоновка. Обычным копированием ключевых фраз этого не добиться. Живой конспект — это слепок твоего ума в его самом объемном, первозданном виде. Он отличает тебя от любого другого

человека. Он уникален.

Тогда Гу Янь посчитал эти слова небезынтересными. Позже он заставил себя взяться за перо, сознательно вырабатывая новую привычку, и в итоге незаметно для самого себя донес ее до сегодняшнего дня.

Запись на голографическом экране в очередной раз дошла до конца. Зависнув на последнем кадре, проекция замерла — Гу Янь нажал на паузу и размял затекшую шею. Воспользовавшись короткой передышкой, он скользнул пальцами по панели управления и вывел на экран файлы, присланные ему накануне одним взбалмошным господином. Это были заметки, которые тот набросал за ночь, пока отсматривал гигабайты архивных записей.

До сих пор Гу Янь вынужден был признавать правоту своего учителя: чужой конспект действительно отражал характер автора во всей его полноте. На страницах перед ним почерк был намеренно изменен, но его истинную суть скрыть не удалось. Сквозь ломанные линии все равно проглядывал безудержный, плевавший на любые рамки и правила нрав — точь-в-точь такой же, как и много лет назад.

Гу Янь молча изучил исписанные листы, после чего с тяжелым вздохом потер переносицу и свернул окна.

«...»

Что тут скажешь? Одно то, что этот человек вообще удосужился изменить почерк, уже можно было считать личным подвигом.

И пускай лекарства, выбранные Гу Янем, отличались мягким действием и минимумом побочных эффектов, они все равно уложили больного в глубокий, беспамятный сон. Натянув одеяло до самого носа, Янь Суйчжи проспал с одиннадцати утра до восьми вечера. Сон оказался настолько плотным и лишенным сновидений, что, открыв глаза, он несколько секунд не мог сообразить, где находится и какое сейчас время суток.

Пробуждение было тихим. Потолочный светильник работал в деликатном режиме ночника, заливая комнату мягким янтарным полумраком, так что Янь Суйчжи даже не пришлось жмуриться. Нежное белое одеяло доходило до самого подбородка, укрывая его от малейшего сквозняка, но не мешая дышать.

В комнате не стояло мертвой тишины. Вместе с сознанием вернулся слух, уловивший едва слышный шорох ткани — ненавязчивый, мягкий звук, который не мешал спать, но избавлял комнату от ощущения гнетущего одиночества.

Повернув голову на звук, Янь Суйчжи увидел Гу Яня. Тот сидел у панорамного окна перед светящимся экраном с планшетом на коленях. В его пальцах небрежно покоилось световое перо, а сосредоточенное лицо казалось удивительно спокойным.

Должно быть, из-за слишком долгого отдыха Янь Суйчжи еще пару минут пребывал в полудреме, балансируя между сладкой истомой и нежеланием шевелить языком. Наконец Гу Янь случайно повернул голову в его сторону.

— Проснулся? — адвокат снял наушник, бросил его на стеклянный журнальный столик и поднялся с кресла.

Янь Суйчжи лениво выдохнул:

— М-м-м.

Спустя мгновение он тихо спросил:

— Ты все время был здесь?

Голос звучал настолько расслабленно, что интонация к концу фразы даже не поднялась, превратив вопрос в ленивое утверждение.

— А где мне еще быть? — отозвался Гу Янь, подходя к постели. Тон его оставался прохладным, однако рука совершенно естественным жестом легла тыльной стороной ладони на лоб пациента. — Если ты здесь окончательно сгоришь от лихорадки, отвечать придется мне.

Янь Суйчжи шутливо изогнул бровь:

— Знаешь, в приличных отелях в прикроватных тумбочках обычно лежат градусники. Подозреваю, их показания точнее твоей ладони.

— Я предпочитаю сначала составить предварительную оценку, — невозмутимо парировал Гу Янь. С этими словами он выдвинул ящик тумбочки и действительно извлек оттуда бесконтактный термометр.

— По-моему, ты о нем просто забыл, — поддел его Янь Суйчжи. Сонный, хриловатый голос звучал неторопливо. — Утром вы про него тоже не вспомнили.

— Смее заверить, утром твой лоб пылал так, что едва не оставил мне ожог. Никаких приборов для диагностики не требовалось, — Гу Янь поднес термометр ближе и слегка ткнул сенсором в щеку собеседника.

Устройство тихо пискнуло, выводя цифры на крошечный экран.

—... Смею заверить и я: еще никогда не видел, чтобы датчиком тыкали прямо в лицо, — проворчал укутанный по самые уши бывший декан.

«Раз язвит, значит, идет на поправку».

Гу Янь сбросил показания и, не поднимая глаз, скомандовал:

— Руку.

Профессор соизволил высунуть ладонь из-под одеяла. Гу Янь прижал датчик к его раскрытой ладони.

Бип.

— Ну как? — поинтересовался Янь Суйчжи. — Спал жар?

Гу Янь кивнул:

— Да, пришел в норму.

— И все же мне кажется, что твои пилюли бракованные. Из-за них я чувствую себя сонной мухой.

— А я разве гнал тебя в шею? — хмуро бросил адвокат.

Янь Суйчжи коротко рассмеялся. Ленивая истома наконец отступила, он оперся на локти и приподнялся, явно намереваясь выбраться из постели. Помятуя о недавних безрассудствах своего подопечного, Гу Янь тут же насторожился и свел брови к переносице:

— Ты куда собрался?

— В душ.

— Чтобы залить рану водой и поймать еще один приступ лихорадки? — в голосе Гу Яня проскользнули стальные нотки. — Ты можешь хоть ненадолго оставить в покое свою многострадальную ногу?

Янь Суйчжи сел на край кровати и, вздохнув, посмотрел на перебинтованную голень:

— Я провалялся под одеялом целый день и прилично вспотел. Если не смою это, то начну киснуть. Неужели великий адвокат готов терпеть рядом с собой прокисшего стажера?

Гу Янь промолчал. Он окинул своего бывшего наставника каменным взглядом. По его лицу невозможно было понять, взвешивает ли он все «за» и «против» или просто лишился дара речи от такой наглости.

Наконец, выждав паузу, он сухо отрезал:

— Покиснешь. Не развалишься.

Янь Суйчжи лишился дара речи.

На самом деле никакого неприятного запаха не было, но ощущение липкости раздражало. Изловчившись, профессор нашел предлог, чтобы выдворить из номера неприступного адвоката Гу — этого ходячего раздражителя, — после чего наскоро обтерся влажным полотенцем. На сей раз он проявил благоразумие: действовал аккуратно, обходя повязку стороной и не тревожа рану.

Когда Гу Янь вернулся, хронометр показывал половину десятого вечера.

Вместе с ним в номер вкатили сервировочный столик. Измотанный дневной лихорадкой, Янь Суйчжи чувствовал зверский голод, но аппетита не было вовсе. Даже если бы перед ним сейчас выставили заливное из королевского краба и бараньи ребрышки на серой кости, он бы не притронулся к еде. Поэтому он ограничился заказом легкой каши.

Должно быть, утренний портье с серебряным гвоздиком в ухе не на шутку перепугался, увидев его рану: когда кашу подали, Янь Суйчжи обнаружил, что в нее щедро добавили укрепляющих трав, но при этом предусмотрительно исключили любые продукты, способные спровоцировать воспаление. В остальном этот отель ничем не выделялся, но кашу здесь варили превосходно — сытную, ароматную и удивительно легкую.

Янь Суйчжи одолел две порции, а остальное разделил с Гу Янем.

— Надо же, ты ешь на ночь? — искренне удивился профессор. Ему доводилось видеть, как Гу Янь в суматохе вообще забывал об обеде, но чтобы тот перекусывал в столь поздний час — это было редкостью. — Только не говори, что ты до сих пор не поужинал? — Он скользнул взглядом по пустой корзине для мусора в углу.

— Ужинал, — коротко бросил Гу Янь. Он составил посуду на поднос и вызвал уборщика.

Янь Суйчжи посмотрел на него с сомнением, но расспросы затевать не стал — пришло время вернуться к делам.

Едва за официантом закрылась дверь, Гу Янь сел напротив Янь Суйчжи и вывел на экран несколько видеофайлов.

— Утром я наведалься к Фиксу Гору.

— И как успехи? — поинтересовался Янь Суйчжи, запуская воспроизведение первого ролика.

— Есть две новости: хорошая и плохая.

— С какой начнешь? Впрочем, без разницы. Плохими известиями меня не удивишь.

Гу Янь указал на дисплей:

— Фикс Гор — не владелец того флайера. Машина принадлежит Джейми Блэку, тому самому мужчине средних лет, с которым мы общались. Хозяин не может работать во время обеденного и вечернего пиков, поэтому в эти часы за руль садится Фикс.

Он перелистнул страницу данных.

— Хорошая новость: Джейми Блэк оказался человеком предусмотрительным. Он не поскупился на качественный автомобильный видеорегистратор с функцией круглосуточной съемки и инфракрасным режимом ночного видения.

Янь Суйчжи прищурился, мгновенно уловив суть:

— А плохая новость заключается в том, что камера зафиксировала нечто, говорящее против Джошуа Даллера?

— Именно, — подтвердил Гу Янь.

Пробежавшись по архивам, Янь Суйчжи убедился в худших опасениях: на кадрах четко читался силуэт Джошуа Даллера, перелезающего через чужой забор. Причем за несколько дней парень проделал этот трюк неоднократно.

Прокручивая ползунок таймлайна, Янь Суйчжи взглянул на коллегу:

— Ты уже изучил хронологию?

— Просмотрел несколько раз.

— И законспектировал?

Гу Янь на секунду замялся.

— Да... Сделал выписки. Хотя тебе не кажется, что подобные вопросы со стороны стажера звучат несколько нагло?

— Я просто поинтересовался, — невинно отозвался Янь Суйчжи и тут же перевел тему: — Кстати, о конспектах. Ты взглянул на мои вчерашние выкладки? Я отправлял их тебе.

Гу Янь медленно откинулся на спинку стула. На его лице отразилась целая гамма непередаваемых эмоций.

— Бегло просмотрел.

— И не стал вникать? Почему?

— Дружеский совет на будущее, — вкрадчиво произнес Гу Янь. — Если еще раз решишь поделиться с кем-то подобной клинописью, не забудь приложить к ней штатного дешифровщика.

Янь Суйчжи тактично промолчал.

«Не ценишь мудрость наставника — смотри не расплачься потом на судебном заседании».

<http://bllate.org/book/18278/1751045>